

Введение

«Давайте исследуем это»

Наука начинается тогда, когда вместо безапелляционного: «Это очевидно» человек говорит: «Давайте исследуем это». Способы и стратегии исследования предмета составляют *методологию*.

История, как и всякая другая наука, не нужна без обобщений. Вглядимся назад, в череду исторических событий. Каждое историческое событие уже миновало, и воспользоваться уроками *именно этого события* нельзя – ведь оно уникально, с уникальным набором конкретных действующих лиц и конкретной последовательностью их действий. Все исторические деятели обладали собственным характером, неповторимыми мотивами поведения. В этом смысле *история не повторяется*.

Но если выделить в историческом явлении какие-нибудь *важные черты*, явление превращается в *тип явлений* определенного характера. Ученый-историк *типизирует явление* – тем самым он делает его пригодным для описания и объяснения *сходных явлений* в истории и в современности. В этом смысле *история повторяется*.

Вот пример. В мировой истории существовал лишь один Наполеон Бонапарт. Его характер, мотивы его действий, привычки, окружение – всё было уникальным и не повторилось более нигде. Но если мы согласимся, что самое важное в поведении Наполеона – это выдвижение незначительного армейского чина на роль авторитарного диктатора, прекратившего республиканскую форму правления в стране – мы получим *типичное явление*. В исторической науке это явление называется «*бонапартизм*».

Историкам известны и другие *типы явлений*, возникшие из обобщения каких-либо черт уникальных явлений, деятелей, событий: «*цезаризм*», «*бланкизм*», «*термидор*», «*охота на ведьм*», «*Варфоломеевская ночь*», «*молниеносная война*» и т.п.

Таким образом, обобщение позволяет увидеть в уникальных ситуациях общие черты и закономерности. Следующий уровень исследования достигается тогда, когда обобщения освобождаются от уникальных черт тех явлений, от которых они возникли – в на этом уровне исторический факт превращается в теоретическую конструкцию. Например: «*абсолютизм*», «*парламентаризм*», «*революция*», «*реакция*» и т.п.

Обобщения важны не только для отдельных явлений истории, общие схемы необходимы и для объяснения самого исторического процесса. В историческом процессе перемешаны политический, экономический, социальный, культурный, психологический аспекты. Одно и то же явление обычно влияет одновременно на все сферы общественной жизни. Как упорядочить множество исторических событий? Что считать главным процессом мировой истории?

Для ответов на подобные вопросы историки-исследователи выработали, как минимум, восемь вариантов позиции, с которой можно описывать и объяснять исторический процесс, или восемь теорий.

Теорией мы называем систему обобщающих понятий и положений. В рамках каждой из теорий (систем) можно выделить *значимый процесс*, то есть тот набор явлений, который считается в этой системе главным. Выделяется также *точка притяжения внимания*, то есть та группа исторических событий, анализ которых привел к конструированию самой теории. Рассмотрим по порядку все эти теории.

1. Теория локальных цивилизаций

Значимый процесс. Развитие разных видов мировых культур, возникших исторически и неизменных в своей основе, несмотря на любые преобразования. Выделение *локальных цивилизаций* означает, что некоторая социокультурная общность

всегда сохраняет свои культурные образцы, у неё всегда остаётся склонность сохранять собственные нормы и ценности при заимствовании любых институтов и практик других культур. Каждая культура рассматривается в этой теории изолированно. Хотя большие культуры способны порождать свои «филиалы» или «гибриды». В рамках теории локальных цивилизаций предполагается цикл – «возникновение-развитие-упадок цивилизации».

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Противопоставление западных и восточных культур периода динамизма Запада и упадка Востока (т.е. в ситуации взаимодействия европейских государств с государствами Азии и Африки в XVIII-XIX вв.).

2. Теория общественно-экономических формаций (теория борьбы общественных классов)

Значимый процесс. Переход от одного способа распределения общественных благ (или одного вида общественного неравенства) к другому в условиях периодических скачков в нарастании *производительных сил* общества.

Сторонники этого, *формационного подхода* предполагают, во-первых, прогресс в развитии производительных сил. Во-вторых, этот подход предполагает также прогресс от максимального социального неравенства («рабовладельческая формация») до устранения социальных, или *классовых* противоречий («коммунистическая формация»). В то же время выстраивается последовательность циклов: «назревание революционной ситуации – революция – скачок производительных сил». Согласно теории общественно-экономических формаций каждое общество содержит в себе собственный классовый конфликт, а местные процессы в обществах идут в соответствии с единой закономерностью, характерной для всех обществ.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Переход от феодализма к капитализму (буржуазные революции в Европе, борьба за независимость Североамериканских колоний Британии) и рост классовых противоречий периода промышленного переворота (буржуазия и пролетариат второй половины XIX в.).

3. Теория геополитики (теория противоборства и союзов государств по поводу контроля над ключевыми ресурсами и территориями).

Значимый процесс. Географическое положение государства диктует ему тот или иной способ контроля над территорией, а также тот или иной образ действия во внешней политике (экспансия, удержание ключевых регионов, коалиции и пр.).

В данном случае прогресс не предполагается, а присутствует циклическая последовательность «рост – упадок могущества государства» или «создание – распад коалиции государств». Отдельные государства не рассматриваются изолированно, но только в рамках регионального или мирового баланса политического влияния.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Стремление перевести на научный язык политику территориальных притязаний государств Европы, США и Японии в преддверии Первой мировой войны. Данный конфликт больших военных коалиций впервые не был обременён династическими или религиозными спорами, и вёлся численно гигантскими армиями «массового», а не сословного общества.

4. Теория модернизации

Значимый процесс. Переход от одного производственного уклада к другому, смена технологических укладов. Изменение технологий вызывает сопутствующие изменения в политике и общественном устройстве, а также в культуре общества. Импульс модернизации каждого общества дается внутренними причинами и техническими

заимствованиями. Предполагается технологический прогресс, из которого вытекает прогресс в остальных сферах.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Переход от аграрного общества к индустриальному. В индустриальном обществе происходит три принципиальных изменения: (1) форм организации производственных процессов, (2) способа подбора элит, и (3) типа поселения. Если говорить об исторической конкретике - это был промышленный переворот в Европе в конце XVIII-середине XIX вв..

5. Теория эволюции политических режимов

Значимый процесс. Такое изменение политического устройства, в результате которого расширяется политическое представительство для всё большего числа подданных (граждан). Теория эволюции политических режимов опирается на следующие тренды: (1) процесс замещения монархий республиками, победа в республиках демократии; (2) усиление демократических тенденций, расширение представительства интересов граждан в политике. При этом каждое общество рассматривается изолированно, правда, предусматривается возможность заимствовать политические образцы, которые появляются в других местах. Предполагается *политический прогресс*, из которого вытекает прогресс в остальных сферах.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Ключевая последовательность фактически происходивших событий: крушение монархий в XVII-XX вв. и сосуществование разных видов пост-монархических режимов в XX в.

6. Теория глобализации

Значимый процесс. Уменьшение политического суверенитета национальных государств под давлением объединения коммерческих интересов транснациональных корпораций («Shell», «Lockheed Martin», «McDonald's», «IBM», «Apple», «Mitsubishi», «Ikea» и др.) и надгосударственных правовых учреждений (ООН, ВТО и т.п.). Предполагается прогресс, который понимается как необратимый поступательный процесс уменьшения разобщённости человечества – экономической, политической, этнической, культурной. Страны не рассматриваются изолированно; считается, что они подчиняются общему процессу наращивания взаимосвязей и взаимозависимостей, внешнему по соотношению к каждой стране.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Тенденции конца XX в., в которых обнаружилось движение к экономической, политической и культурной однородности мира..

В последнее время теоретической истории набирают силу еще два подхода.

7. Структурно-демографическая теория (теория зависимости правительства и элит от успешности взимания налогов с населения, и зависимости населения от собственной численности по отношению к имеющимся ресурсам, например – к площади пахотных земель).

Значимый процесс. Борьба правительства и влиятельных слоёв элиты за поступление налогов и ренты от населения начинается в периоды, когда численность населения начинает превышать возможности природных угодий прокормить это население, и когда численность представителей элиты или условия содержания элиты начинают превышать возможности населения.

Такие моменты чреваты восстаниями, революциями, распадом государств. Конкретная форма проявления недовольства, как правило, зависит от самых успешных образцов, которые появляются в одном каком-то обществе – и тут же заимствуются недовольными группами других обществ. Из обнаруженных теорией закономерностей

наиболее важной является циклическая последовательность «Достаток – Экосоциальное сжатие – Кризис». Причины общественных трансформаций, с точки зрения структурно-демографической теории, содержатся внутри каждого общества, любые внешние факторы считаются вторичными.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Два кризиса: (1) фискальный кризис правительства накануне английской буржуазной революции XVII в. (конфликт короля и парламента) и (2) подобный кризис накануне Великой французской революции конца XVIII в. (конфликт короля и Генеральных штатов). И тот, и другой кризис стали важной причиной консолидации революционного лагеря.

8. Миросистемный анализ (теория глобального экономического неравенства в условиях единой коммерческой системы, объединяющей большинство стран мира и влияющей на внутреннюю и внешнюю политику каждого государства).

Значимый процесс. В мировой экономической системе существует «ядро» – наиболее развитые регионы, где прибыльность обменных операций наивысшая, и «периферия» – неразвитые регионы, где прибыльность минимальна.

При этом технологии распространяются из «ядра» на «периферию», а капиталы постоянно утекают с «периферии» в «ядро». Самый важный процесс – это цикл накопления капитала («торговая монополия – торговая конкуренция – финансовая конкуренция – финансовая монополия»). В этом процессе высокая норма прибыли сначала связана с вывозом товара, а потом – с вывозом капитала. С позиции этого подхода ни одна страна не может рассматриваться изолированно – её внутренняя политика полностью зависит от мировой экономической ситуации и от места страны в структуре мир-экономики.

Точка притяжения внимания и отправной пункт в рассуждениях. Во-первых, известные в истории случаи симбиоза самых развитых секторов экономики с самыми неразвитыми. Например, торгово-финансовая система Голландской Ост-Индской компании, работорговля Западной Африки, и островные плантации Центральной Америки. Все это вместе образовывало в XVII-XVIII вв. единый экономический комплекс, названный позднее «треугольником накопления».

Во-вторых, последовательная смена лидеров мировой экономической системы. На национальную валюту стран-лидеров переходили все участники системы. Лидерами последовательно являлись: Голландия в XVII-XVIII вв., Великобритания в XIX вв., США в XX в..

В-третьих, совпадение по времени крупных военных конфликтов коалиций с фазой конкуренции мировых финансовых центров: Тридцатилетняя война, наполеоновские войны, Первая мировая война.

Все перечисленные теории, каждая по-своему, отвечают на два важнейших вопроса:

- где искать причины общественных изменений?
- каков характер исторического процесса?

Причины изменений могут либо содержаться в самом обществе (тогда подход будет *эндогенным*), либо приходить извне (и тогда подход – *экзогенный*).

Что касается определения характера процесса, то это может быть либо *прогресс* (когда от стадии к стадии происходит улучшение, и каждая стадия качественно неповторима), либо *циклическая динамика* (когда последняя фаза некоторого периода качественно аналогична первой).

Формационный подход, теория модернизации и теория эволюции политических режимов сильно нагружены в идеологическом плане: с точки зрения этих версий

процессы мировой истории движутся в строго заданную сторону к наперёд предсказанной цели («коммунизм», «модерн», «демократия»). Использовать эти подходы для описания или объяснения процессов, происходящих в мировой истории, следует осторожно. И всегда помнить о том, что «чистого» прогресса не бывает. На самом деле, развитие любого общества идёт причудливыми зигзагами.

Что касается *теории локальных цивилизаций*, то до сих пор научная обоснованность этого подхода считается недостаточной: во-первых, нет договоренности о границах объекта под названием «цивилизация» (как единица рассмотрения); во-вторых, нет единодушия насчет внутренних сил, ведущих к возникновению той или иной «цивилизации» и в последующем к её упадку; в-третьих, теории локальных цивилизаций нет без признания уникальности «цивилизаций». Но, признавая уникальность каждой «цивилизации», невозможно делать сопоставления и обобщения. А без обобщений нет самой истории как науки.

Теория глобализации в своём базовом содержании относится к последнему по времени, достаточно узкому промежутку мировой истории, и пытается объяснить ситуацию, начиная примерно с конца 1980-х гг. Как видно, она пригодна для описания периода, который по-настоящему не стал еще историей.

Более выгодно на фоне перечисленных недостатков выглядят *теория геополитики, структурно-демографическая теория, и миросистемный анализ*. Они не сосредоточены на «прогносте» как неизбежном улучшении, а делают акцент на повторяемости определенных состояний обществ – периодов благополучия и периодов кризисов. В рамках этих теорий согласованы представления о том, что (или кого) считать причинами изменений. Отметим, что структурно-демографическая теория сосредоточена на внутренних процессах исследуемой страны, а теория геополитики и миросистемный анализ – на внешних. Именно эти три версии объяснения истории стали базовыми для написания данной книжки.

Тренд-структуры, или факторные модели

Хорошим подспорьем в уяснении сложных процессов в технических и социальных науках может стать построение *тренд-структур (факторных моделей)*. Эти модели наглядно и сжато иллюстрируют взаимосвязи факторов, которые можно представить как переменные, значение которых растёт или уменьшается. В последующих главах мы ограничимся построением моделей из двух элементов: факторов-переменных и связей между ними. Соответствующие модели имеют такой вид:

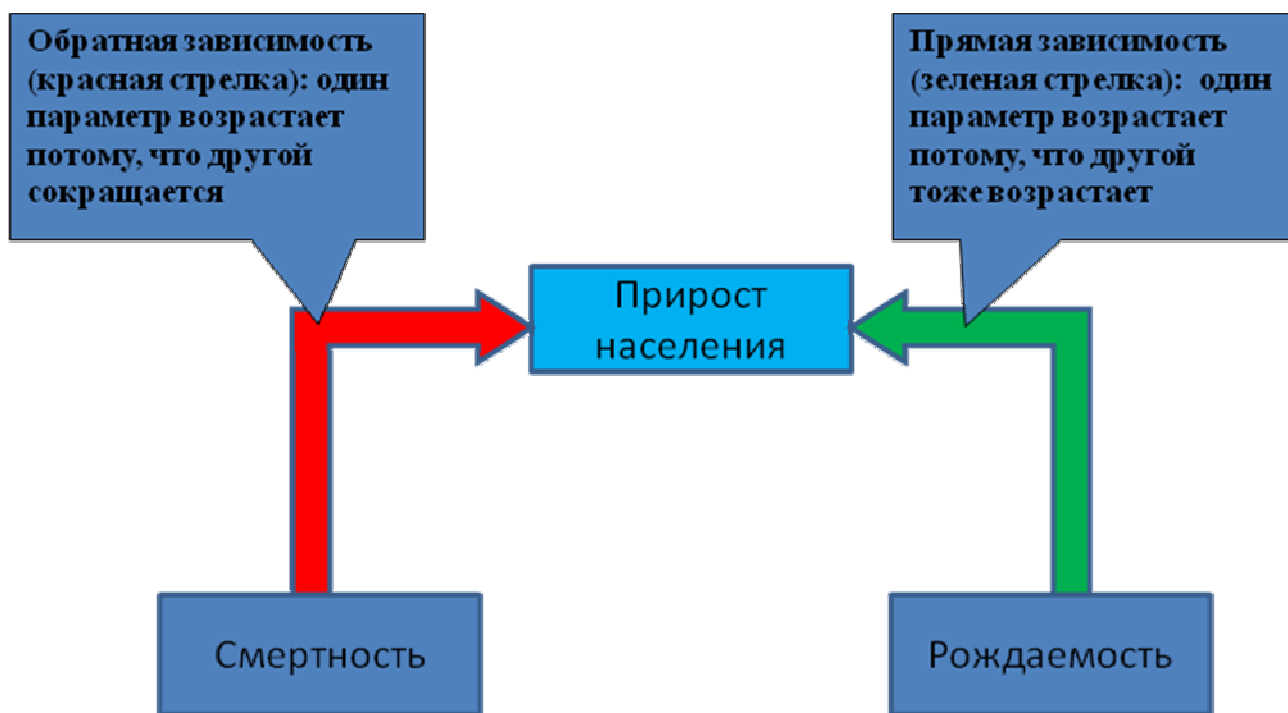
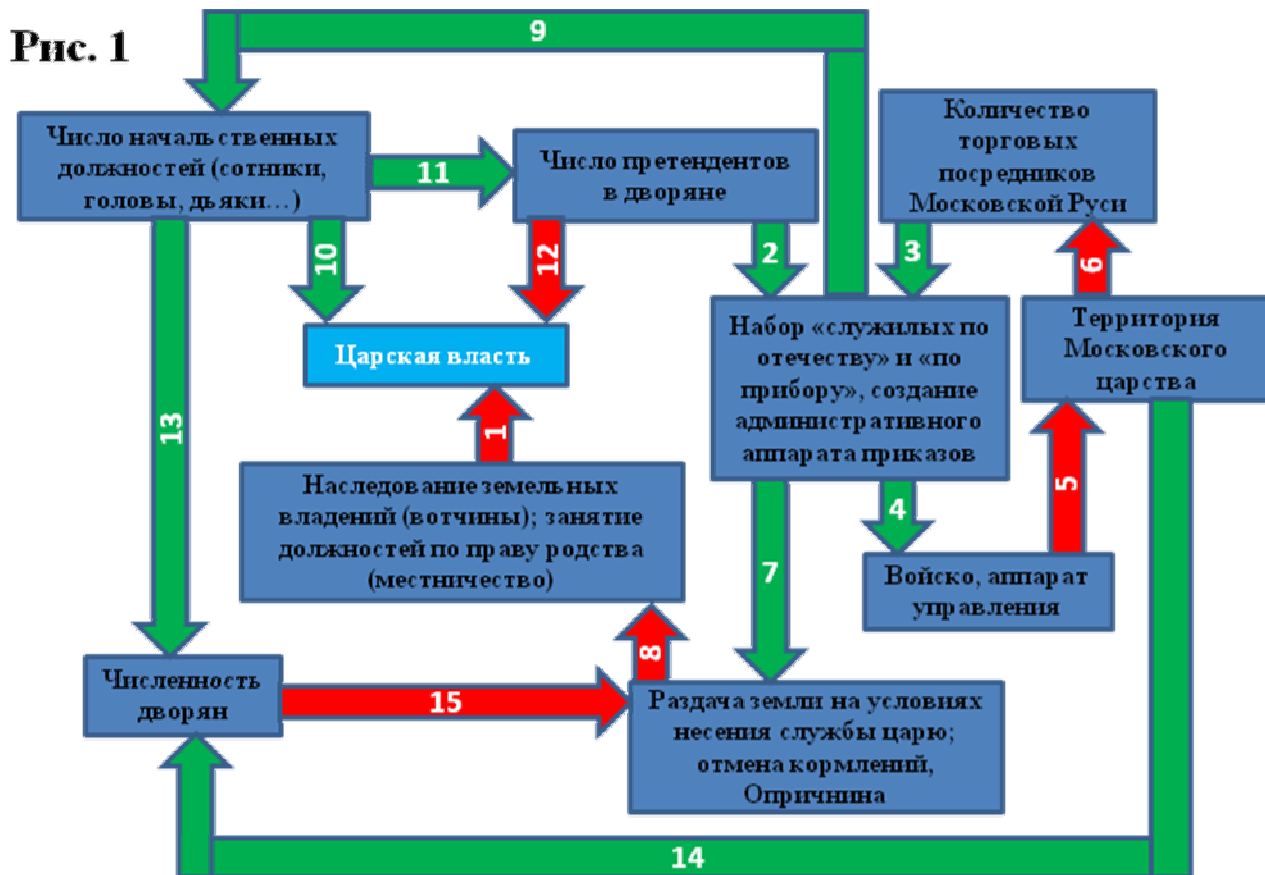

Рисунок ...

Рассмотрим пример.

**Структурно-демографическая динамика Московской Руси и Российской империи
От реформ Избранной рады и Опричнины – до Смуты (сер.XVI-нач.XVII вв.) (Рис. 1)**

Правление Ивана IV (Грозного) началось с масштабного восстания в Москве (1547 г.), имевшего антибоярскую окраску. Это восстание, а также предшествующее десятилетие своевольного правления боярско-княжеских группировок убедили правительство Ивана IV в необходимости реформ, направленных против бояр.¹

До сих пор удельные князья и бояре наследовали свои вотчины независимо от воли царя, в войске и при дворе процветало «местничество» – должности распределялись по праву родства (древности рода), а не по принципу личных заслуг перед государем. Боярская вольница начала XVI в. была главной угрозой царской власти (1).

Предыдущие московские цари старались противопоставить боярству дворян служилый слой, зависимый от службы государю. Политика собирания земель вокруг

¹ В основании предполагаемых реформ лежали заимствования мероприятий, проводимых в Османской империи. Во-первых, наряду с поместным войском (тоже турецкий аналог, перенятый русскими еще в XV в.) формировалась огнестрельная пехота, нанимавшаяся за жалование из простого народа. Необходимость выплаты жалования за службу требовало, в свою очередь, новой системы налогообложения в государстве. Во-вторых, на вновь завоеванных землях турки проводили «сургу» (вывод прежней знати с наследственных земель на земли, указанные султаном); земля разделялась на землю султана («хассе») и остальную территорию страны («дивани»). Фактически, это означало огосударствление земельной собственности по принципу «нет земли без службы». Именно этой системе организации государства Османская империя была обязана своими военными победами XV-XVI вв. Турецкие принципы «сургу» и «хассе» позже легли в основу московской политики «опричнины» периода правления Ивана Грозного.

Москвы обуславливалась, в частности, необходимостью расширять фонд земельных пожалований за службу.

Низовые слои служилого слоя (дворянства) разорялись, многие уходили в казаки-бродники. Казачество являлось питательной средой социального недовольства. В то же время в Кремле понимали, что, будучи призванными на государеву службу, низовые слои дворян, существование и возвышение которых полностью зависело от царя, будут верно служить даже и за небольшое жалование. Тогдашний публицист «бедный воинник» Иван Пересветов предложил Избранной раде во главе с царём проект реформ по турецкому образцу. Пересветов был как раз выразителем интересов низовой части дворян, а также претендентов в дворяне. То есть социальный субъект, заинтересованный в осуществлении намечаемых реформ Избранной рады, уже имелся (2).

Но действовал и внешний стимул. Еще в 1477-1478 гг. к Московскому княжеству был присоединен Великий Новгород, с которого в то время начиналась важная транспортная артерия из Европы в Азию – Волжский путь. Верховья Волги заканчивались удобными волоками, через которые торговые суда могли попадать на Балтику. На Средней Волге уже давно стоял младший брат Великого Новгорода – город-крепость Нижний Новгород – важный торговый пункт новгородских купцов.

Но со времени татарского нашествия бассейн Волги контролировался татарами – к XVI в. Казанским и Астраханским ханствами. Государству Российскому требовалось поставить под контроль торговые потоки. Поэтому важной ближайшей целью военной реформы Избранной рады было завоевание поволжских государств, которые воспринимались как нежелательные посредники в торговле Московской Руси с закаспийскими странами арабского и персидского Востока (3).

«Гвоздём» военной реформы стал новый принцип формирования войска – вместе со *служилыми «по отечеству»* (дворянами) набирались и *служилые «по прибору»*, то есть представители простолюдин; их нанимали за освобождение от «тягла» и за представление земельных участков – «дач». Таким образом, было укомплектовано войско (помимо дворянского ополчения – стрельцы и городовые казаки). Пополнялся и аппарат управления (система приказов), куда назначались дьяки и подьячие – худородные чиновники из «поповичей» и простолюдин (4). С помощью этой системы Московское царство довольно быстро приросло Поволжьем (5). Посредники на волжском пути исчезли (6).

Но не исчез стимул внешней экспансии: выяснилось, что со времен Великих географических открытий прежние торговые пути, группировавшиеся вокруг Великого Шёлкового пути, «обмелели». Новый центр деловой активности сформировался в Атлантике и примыкавшей к ней Балтике. Прибалтийскими же землями на тот момент владел ослабевший Ливонский орден – тоже своего рода торговый посредник. И царь Иван IV начал Ливонской войной второй раунд поглощения торговых посредников Московского царства.

Итак, реформы Избранной рады вели к массовой раздаче царём земель на условиях несения службы. В последующее время опричнина включала массовое выселение бояр с вотчин с предоставлением российской боярской знати других земель (например, в Поволжье) – но уже в качестве поместий (7). Эта практика прямо противоречила княжеско-боярским принципам наследуемости земель и должностей. Отсюда конфликт государства и боярства, с последующими репрессиями Ивана Грозного (8).

Далее. Набор «служилых по прибору» означал создание большого количества должностей (стрелецких и казачьих голов, опричных начальников, дьяков, писарей), занимаемых «худородными» (т.е. незнатными) людьми (9). С одной стороны, такой большой приток к управлению людей, лично обязанных царю своим возвышением,

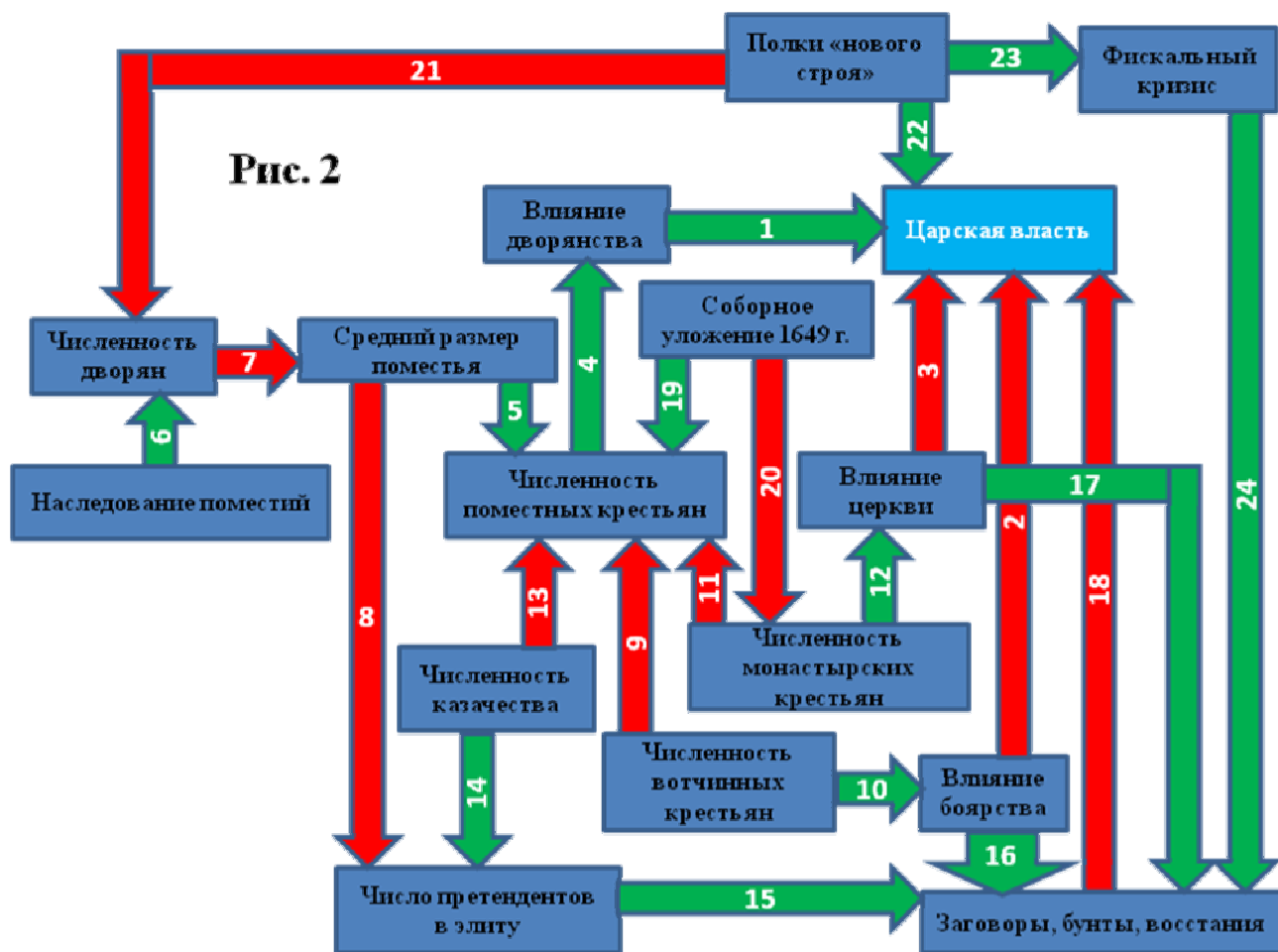
укреплял царскую власть (10). С другой – вызывал дополнительный рост притязаний и неудовлетворённости «служилых по прибору» своим половинчатым положением (11). До тех пор, пока войско и государственный аппарат росли (2), налоги удавалось собирать исправно. У претендентов в аристократию преобладали оптимистичные настроения. Однако неудачи Ливонской войны и налоговый кризис уже готовили почву для бунтов и неповиновения: в период Смуты: массовая поддержка самозванцам оказывалась не только боярами и их челядью, она обеспечивалась и притоком таких «претендентов в элиту», как стрельцы, казаки, нищие дворяне (12).

Разумеется, какая-то часть «служилых по прибору» попадала в дворяне: за время реформ Ивана Грозного численность поместной конницы выросла многократно (13). Этому способствовало также присоединение новых территорий: появлялись дополнительные земли для раздач в поместья, а местная знать (казанская и астраханская) включалась в состав московской. Так появились новые дворяне и князья: Басмановы, Салтыковы, Шереметевы и др. (14).

Рост численности дворянства усиливал его влияние. Через некоторое время дворяне начали наследовать поместья, первоначально выделяемые на условиях несения службы (эта практика постепенной «приватизации» поместий выявилась еще в конце XV в). Дворяне были также не прочь взять в свои руки установку объёма барщины и оброка для поместных крестьян, то есть независимо от царя еще больше приблизиться к боярству (15).

Но Прибалтику Ивану IV присоединить не удалось: разгромив Ливонский орден, Московия оказалась перед лицом Швеции и Речи Посполитой, война с которыми разорила податное население России. Подконтрольная Москве территория больше не расширялась, и даже начала сокращаться, учитывая не только неудачи в Прибалтике, но и набеги крымцев. Вопрос с «окном в Европу» при Иване Грозном решен не был. «Худородные» служилые группы оказались как бы в подвешенном состоянии. Они не превратились в элиту в полной мере – государство оскудело и не могло больше жаловать за службу. Опричнина лишь потрепала бояр-вотчинников, но не устранила это сословие, которое в полной мере заявит о себе в период Смуты («Семибоярщина», инициированная изменниками-боярами присяга Лжедмитрию I и польскому королевичу, сдача Москвы полякам и т.д.).

Кризис поместной системы (XVII в.) (Рис. 2)

С окончанием Смутного времени и воцарением династии Романовых ситуация осталась, в общем, прежней: объем власти царя был связан с ростом влияния дворянства как наиболее зависимой от государства части элиты (1). Влияние же боярства (2) и духовенства (3), как и раньше, означало уменьшение царского *суверенитета*. После Смуты влияние на царей (Михаила Федоровича, потом Алексея Михайловича) боярских семейств Морозовых, Милославских, Шереметевых, Нарышкиных было исключительно велико. То же можно сказать и о патриархах Филарете, потом Никоне, которые на время смогли сосредоточить в своих руках огромную власть, в сущности, сопоставимую с царской. И эта светская власть патриархов была не только следствием выдающихся черт характера ее носителей, но и то, что Церковь владела в тогдашнем аграрном обществе огромным массивом земельной собственности.

В свою очередь, влияние дворянства на государственные дела находилось в зависимости от численности поместных крестьян (4). Чем больше средний размер поместья – тем больше крестьян на дворянских землях (5). В первой половине XVII в. складывается практика наследования дворянами своих поместий – по этому параметру поместные дворяне все более приближаются к условиям владения боярскими вотчинами. Поскольку наследственными дворянами считаются все сыновья дворянина, это ведет к увеличению численности дворянского сословия (6). При неизменном количестве земли это означает сокращение размеров поместий, другими словами, рост дворянского малоземелья (7). Понятно, что хозяйственное ослабление поместного дворянства ведет к уменьшению влияния дворян, и – косвенно – к уменьшению царской власти.

Обедневшие дворяне могли превращаться в *однодворцев*. Дворяне-однодворцы не имели на своей земле крестьянских дворов, т.е. формально относясь к служилому сословию, приближались по своему положению к крестьянам (8). Поскольку дворянские поместья мельчали, сокращалось и количество крестьян в расчете на одного дворянина. Что, при нежелании дворян снижать уровень жизни, вело к увеличению эксплуатации поместных крестьян. Крестьяне имели возможность уходить от дворянско-помещичьей эксплуатации, во-первых, в боярские вотчины, в которых в силу их большего размера пресс барщины был не такой сильный (9). Это означало экономическое усиление боярства (10); во-вторых, крестьяне перемещались на земли, принадлежавшие монастырям, пополняя число монастырских крестьян (11),. Это способствовало усилению церкви (12). наконец, в-третьих_крестьяне бежали на окраины государства, пополняя ряды военизированных казаков – земледельцев и промысловиков (13). Казачьи войска росли в численности, казаки по своему имущественному положению приближались к обедневшим дворянам; вместе с ними составляли целый слой вооруженной части населения Московской Руси XVII в., недовольной своим положением (14).

Именно этот слой (казачество и беднейшее дворянство) давал основные силы многочисленным бунтам этого периода («соляной», «хлебный», «медный», дворянские выступления накануне Земского собора 1648-1649 гг., восстание Степана Разина и т.д.). (15).

Боярство, в свою очередь, организовывало заговоры, бунты, перевороты (в особенности с момента смерти Алексея Михайловича и вплоть до укрепления на троне Петра I) (16).

Оппозиционный потенциал церкви также был велик: для примера можно вспомнить Соловецкое восстание (17).

Разумеется, заговоры и восстания, так или иначе связанные с кризисом поместной системы, подрывали царскую власть (18). Царское правительство пыталось реагировать на кризис поместной системы. Можно указать на два главных его мероприятия в XVII в. Во во-первых, именно по требованию дворянства в Соборном уложении 1649 г. было установлено крепостное право по образцу соседней Речи Посполитой. Поместные крестьяне семьями были законодательно прикреплены к своим поместьям; кроме того, закон устанавливал бессрочный сыск беглых крестьян (чтобы прекратить отток крестьян к боярам, монастырям и на окраины царства) (19). В том же Уложении налагался запрет на дальнейший рост монастырского землевладения, что тоже косвенно усиливало дворянство (20).

С 30-х гг. до середины XVII века дворянское ополчение выросло с 20 до 40 тыс., а затем к 1663 г. вдруг резко уменьшилось (до 15 тыс. чел.). Дело было в том, что при царе Алексее началось введение *войск «нового строя»* (солдат и рейтар), которые набирались из крестьян; им платили жалование как европейским солдатам-наёмникам. Для войны с Турцией (1678 г.) удалось набрать до 60 тыс. солдат и до 30 тыс. рейтар «нового строя».

Тогда же дворян-однодворцев верстали в солдаты, понижая их, таким образом, в статусе (21). И все же существовавшую тогда армию нельзя назвать вполне регулярной: между войнами солдаты распускались по домам, возвращаясь к крестьянскому труду.

Полки «нового строя» укрепляли власть царя и были способны вести военные действия на современном для того времени уровне (22). Но с их созданием проблема дворянского малоземелья не решалась, а сосуществование дворянских поместий и крупных боярских вотчин всё равно провоцировало отток владельческих крестьян к более богатым землевладельцам.

К тому же денежное содержание солдатских войск опустошало казну, что подтолкнуло царское правительство к эмиссии медных денег, что спровоцировало инфляцию.

(23). Обесценивание медных денег вызвало «медный бунт» 1662 г., в котором приняли участие уже и солдаты полков «нового строя» (24).

От реформ Петра Великого – до Эпохи дворцовых переворотов (нач.-кон.XVIII в.). (Рис. 3)

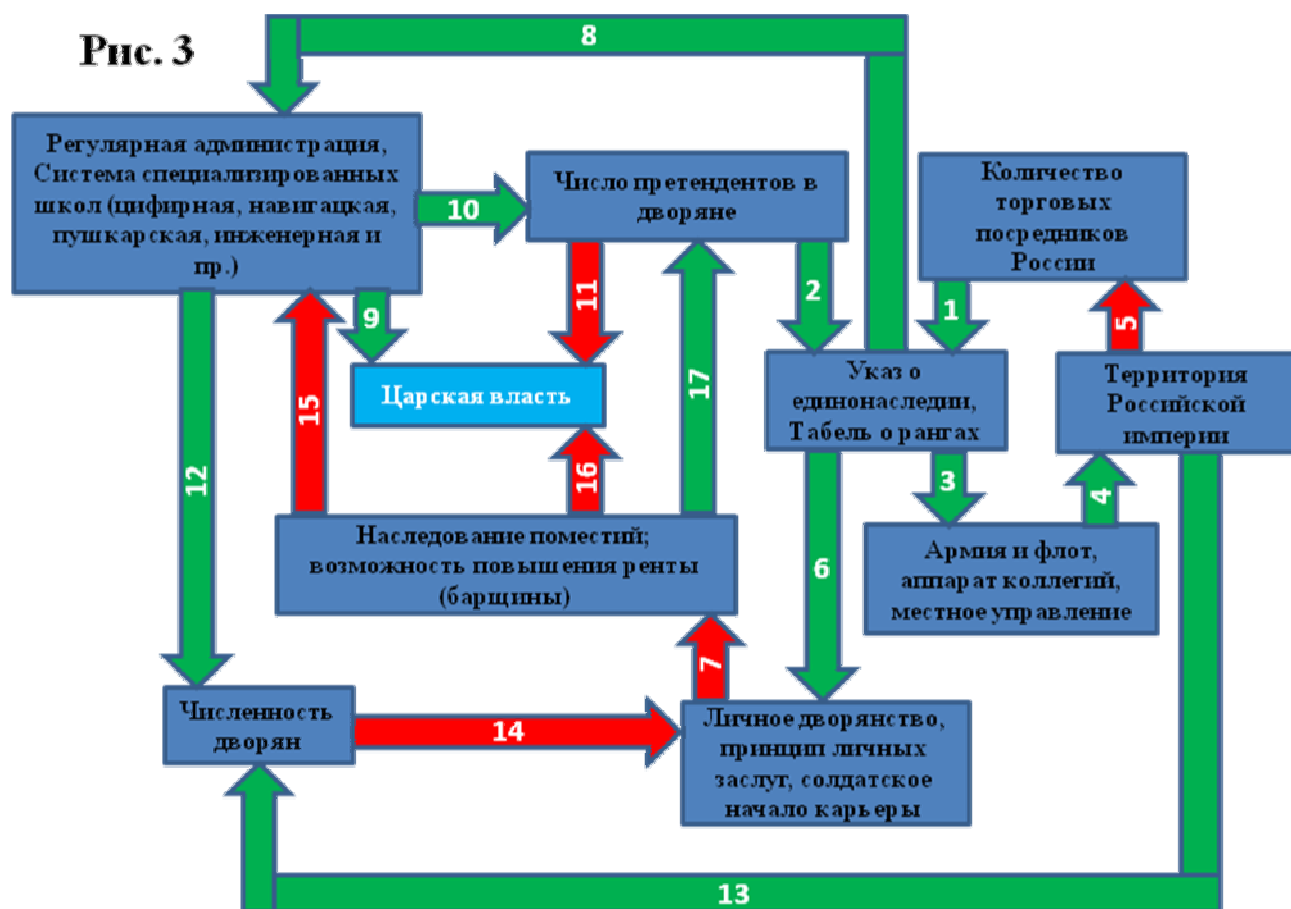

Рисунок ...

Интересно, что много черт петровских реформ роднит их с преобразованиями Избранной рады Ивана Грозного. Так же, как во времена Ливонской войны, важным побудителем к Северной войне со Швецией и мотивом реформ Петра Великого была борьба с торговыми посредниками (конкретно – со Швецией в Прибалтике) (1).

Так же, как и при Иване Грозном, в годы правления Петра I в российский правящий слой оказывается включено огромное количество претендентов на дворянский статус (2). Важным шагом Петра к урегулированию дворянского вопроса стал Указ о единонаследии 1714 г.: поместье наследовалось старшим сыном дворянина, остальным полагалось служить за жалование. Тем самым прекращалась практика дробления поместий. Другой важный документ эпохи Петра – Табель о рангах 1722 г. Теперь дворянское достоинство мог заслужить каждый незнатный; при этом выделялось личное и наследуемое дворянское звание. Потомственное дворянство тоже можно было заслужить.

Ранги соответствовали должностям, которые мог занимать дворянин. Реформа, проводившаяся под девизом «достоинство за заслуги», позволила укомплектовать армию, флот, офицерский, инженерный корпус, госаппарат талантливыми выходцами из

незнатных сословий – новыми дворянами. За годы правления Петра число дворян выросло десятикратно (3).

Победы в Северной войне обеспечили прирост территорий государства, теперь уже – Российской империи (4). Устранив с дороги Швецию, эти победы привели Россию к Балтийской акватории, откуда – через Северную и Южную Атлантику – открывались перспективы заокеанской торговли. Теперь Россия входила в узкий круг самых влиятельных стран мира, о чём под впечатлением голландского опыта мечтал Пётр (5).

Принцип, связывающий жизненный успех с личными заслугами, выражался, например, в том, что всякий дворянин – будущий офицер, независимо от знатности, обязан был начать свою карьеру простым солдатом (6).

Новое наступление государства на привилегии потомственной знати привело к тому, что боярство как сословие в петровский период исчезло совсем, влившись в состав служилого дворянства (7).

Петровские реформы в несколько раз расширили штаты центрального и местного управления – создавались многочисленные новые должности. Кроме того, в ходе петровских преобразований как бы «расшивались» каналы обретения дворянских атрибутов – прежде всего, в результате создания новой системы образования и подготовки огромного количества специалистов в разных областях (Пушкарская, Медицинская, Навигацкая школа в Москве, Морская академия в Петербурге, горные, ремесленные, штурманские, цифирные школы). Все это вело к распространению европейской светской образованности (8).

Как и в случае с реформами XVI в., расширение каналов *вертикальной мобильности* усиливало массовую поддержку политики царя Петра (9).

Важно также и то, что дворянский статус оказывался теперь открытым для вхождения «снизу»: офицерский корпус к концу Северной войны наполовину был укомплектован выходцами из простолюдинов и незнатными иностранцами, а гражданских управленцев из народа было еще больше (10).

Наряду с «помещиками» (старшими сыновьями-землевладельцами) и «офицерами» появилась категория «чиновников», которым в перспективе ближайшего столетия (до середины XIX в.) предстояло стать массовой опорой самодержавия.

Однако существенная часть чиновников заслужила только личное, т.е. ненаследуемое дворянство. Дети таких чиновников, получая европейское образование, относились уже не к благородному сословию, а к податным сословиям. Это были готовые претенденты в элиту, недовольство которых (12) пока компенсировалось только что расширившимися жизненными горизонтами (2).

Расширение каналов вертикальной мобильности означало рост численности дворян (12). Военные победы и присоединение Прибалтики позволяли выделять дополнительные земли под поместья, а также вели к включению в состав российской знати многочисленных остзейских дворян и купцов (13).

Рост численности дворянства объективно толкал его на борьбу с демократичными принципами комплектования элиты эпохи Петра и той вертикальной мобильностью – за возобновление системы «богатство и должности знатным» (14). Уже в 1727 г., вскоре после смерти Петра Великого расходы на административный аппарат уменьшились вдвое, а штаты коллегий были сокращены втрое; это означало столкновение большого количества «новой знати» обратно в податное сословие (15). К началу 1730-х гг. наблюдается и выключение зависимости №7: императрица Анна Иоанновна отменяет указ о единонаследии, снимает запрет на продажу поместий. Идет новая волна «приватизации» помещичьих имений (они в документах той поры стали называться вотчинами). и с ней – новое перераспределение земельной собственности

Отменяется еще одно правило Петра – солдатская служба для дворянских детей. Теперь дворянские дети начинают карьеру сразу офицерами.

К послепетровскому времени относится введение практики купли-продажи крепостных крестьян семьями, бесконтрольное повышение помещиками нормы барщины. Разорение помещичьих низов приводит к росту владений дворянских земельных магнатов.

Уже в правлении Екатерины II вельможи (например, князь Гр. Потемкин) крадут у государства целые рекрутские наборы, пополняя число собственных крепостных. Уменьшение альтернативы государственной службы делает дворянскую верхушку («свет») главным «благодетелем» дворянской молодёжи, предоставляющим ей возможность выдвижения..

Период дворцовых переворотов показал, что к середине XVIII в. помещичья аристократия одержала победу над государством, превратив его в аппарат собственного господства (16). Новая аристократия продолжает вытеснять на обочину беднеющую часть помещиков и прочую «новую знать» – чиновников и разного рода личных дворян из унтер-офицеров и казаков, а также детей личных дворян. В 1758 г. чиновникам запретили владеть крепостными. Разорение рядовых помещиков и сокращение благосостояния «недодворян»-чиновников был тем главным социально-демографическим процессом конца XVIII в., который уже в начале следующего столетия приведёт к образованию пёстрого и весьма беспокойного слоя разночинцев (17).

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

- ✓ методология
- ✓ прогресс

Дайте определения

- ✓ теория
- ✓ значимый процесс
- ✓ точка притяжения внимания
- ✓ «ядро»
- ✓ «периферия»
- ✓ тренд-структуры

Подготовьте сообщения

- ✓ Теория локальных цивилизаций
- ✓ Теория общественно-экономических формаций
- ✓ Теория геополитики
- ✓ Теория модернизации
- ✓ Теория эволюции политических режимов
- ✓ Теория глобализации
- ✓ Структурно-демографическая теория

Выберите тему микро эссе

- ✓ Структурно-демографическая динамика Московской Руси: ее логика
- ✓ Кризис поместной системы XVII в.: его логика.

✓ Логика петровских преобразований